

Стоял суровый зимний день, и город задыхался в плотном, бесконечном снегопаде. Тяжелое белое покрывало окутало всё вокруг, скрыв под собой ярко-красные стены и изгибы черепичных крыш.

Тишину дворцовых аллей прорезали тревожные крики. Стражники, охваченные суетой, стремительно прорывались сквозь заносы, направляясь к самым отдаленным покоям, затерянным в глубине императорской резиденции.

Этот двор давно был забыт: сорняки, пробивавшиеся сквозь камни, теперь спали под снегом, но даже так место выглядело пугающе пустынным и унылым.

Ворвавшиеся стражники быстро оцепили здание, с суровыми, напряженными лицами наблюдая за мужчиной, который неподвижно стоял посреди снежного вихря.

Вслед за ними, с трудом волоча по земле тяжелые, расшитые золотом полы своего парадного одеяния, величественно вошла наложница Нин. Она выглядела роскошно и властно, прикрывая нос и рот изысканным нефритовым платком, словно само присутствие в этом заброшенном месте было для неё величайшим снисхождением. С отвращением глядя на мужчину, стоявшего в снегу, она не скрывала своего богатства, но в её взгляде, брошенном сверху вниз, не было ни капли сочувствия – лишь ледяное высокомерие человека, занимающего почетное положение.

Мужчина, стоявший в снегу, был одет в самое простое, почти нищенское одеяние. Его лицо было белым, как свежесвыпавший снег, и в нем не осталось ни единой капли живой крови. В покоях давно не жгли уголь в жаровнях, и пронизывающий холод, казалось, пробирал до самых костей.

Он больше напоминал призрака, навеки заточенного в этих стенах: в нем не было ни единого признака жизни, глаза казались бездонными провалами, изможденное болезнью лицо осунулось, а на щеке отчетливо виднелся уродливый, рваный шрам.

Лишь его взгляд оставался сосредоточенным, устремленным вверх занесенных снегом дворцовых стен. Услышав где-то вдалеке глухой гул колоколов, он едва заметно дернул уголком рта и вдруг расхохотался – так смеются над чем-то нелепым и безнадежным.

Услышав этот дерзкий, почти безумный смех, наложница Нин помрачнела еще сильнее. Она бросила холодный, безмолвный приказ своим людям, и один из стражников мгновенно шагнул вперед. Вспыхнул багряный фонтан крови, и на землю с глухим, тяжелым стуком упала голова. На лице казненного застыло выражение глубокой тревоги, словно он до последнего мгновения отчаянно пытался передать кому-то важную весть, но время вышло – его обезглавили одним точным ударом.

Мужчина опустил взгляд на голову человека, с которым рос с самого детства, но в его глазах не дрогнул ни один мускул.

– Твой верный пес перед смертью все еще пытался спасти тебя, – насмешливо произнесла наложница Нин. – А я-то совсем забыла, что князь сейчас лишился рассудка и, вероятно, давно забыл этого евнуха, которого сам же когда-то выслал из дворца. Жаль, что ты позволил ему уйти, а он, все еще думая о своем господине, втайне связался с мятежниками, чтобы вернуться и вырвать тебя из этой западни.

Кровь из отсеченной головы медленно просочилась в чистый снег. Глаза, не закрывшиеся даже после смерти, смотрели прямо на Ин Фушэна. Его мозг, давно отравленный ядами, словно наконец обрел крупицу ясности, и он снова рассмеялся:

- Похоже, мой дорогой старший брат изрядно занервничал, - произнес он. - И правда, взойдя на престол без всяких на то законных оснований, он, должно быть, просыпается в холодном поту каждую божью ночь.

При одном упоминании нового императора наложница Нин яростно заскрежетала зубами, а стражники за её спиной синхронно сжали рукояти своих мечей. Самое срочное донесение поступило во дворец всего час назад: новый император, окончательно закрепившись на троне, беспощадно расправлялся с неугодными. Всех, кого заподозрили в мятеже, приговорили к смертной казни, и этот человек, запертый в холодном дворце, должен был стать последним в списке. Никто и представить не мог, что он, находясь в полной информационной изоляции, сумеет объединиться с князем, правившим северными землями, и перевернуть всё государство вверх дном.

Слухи о новом правителе множились с каждым днем, и самым распространенным из них был шепот о том, что его происхождение сомнительно, и он вовсе не является родным сыном императрицы Сюй.

Евнух громко, на весь двор, зачитал указ о преступлениях:

- Преступник Ин Фушэн совершил государственную измену, вступил в тайный сговор с мятежниками, и доказательства того неопровержимы... Даровать чашу с ядом, дабы он покончил с собой.

- В память о том, что я когда-то была тебе матерью, хочешь ли ты сказать что-нибудь напоследок? - спросила наложница Нин.

- Чего же вы так спешите, наложница Нин? Это всего лишь евнух, не стоит марать об него руки, - Ин Фушэн медленно протянул руку и закрыл глаза мертвому слуге. Его тон оставался пугающе спокойным, словно он вел обычную светскую беседу, но каждое слово было пропитано дерзостью: - Семья Сюй еще не успела засуетиться, а вы уже так спешите подтвердить легитимность нового императора. Кто не знает правды, подумает, что это ваш родной сын. Но, матушка, если я действительно мятежник, неужели новый император так легко отпустит вас и весь клан Нин? Сегодня клан Нин - верные слуги, а завтра - предатели. Оставить потенциальную угрозу или вырвать сорняк с корнем - как вы думаете, что больше успокоит нового императора?

- Безумец! - прошипела наложница Нин. - Отправьте князя в путь!

Стражники синхронно шагнули вперед.

Позади наложницы Нин, семеня короткими шагами, следовал слуга, держащий в руках поднос. В изящной чаше медленно таяли снежинки, а ядовитое вино слегка покачивалось от каждого движения.

Главный евнух молча поднес чашу к губам Ин Фушэна:

- Ваше Высочество, прошу.

Ин Фушэн посмотрел на чашу с ядом, а затем обвел взглядом пустынный, занесенный снегом

двор. Наверное, впервые за долгие годы в это заброшенное место пришло столько людей – его брат не пожалел сил и людей, чтобы прислать сюда целый отряд стражи. Он снова расхохотался, и этот смех, эхом отражаясь от высоких стен, прозвучал настолько жутко и надрывно, что стражники невольно напряглись, чувствуя холод загривком.

– Не стоит утруждаться, – прошептал Ин Фушэн, и всё его тело била крупная дрожь. Ему вовсе не нужно было это вино, чтобы не пережить грядущую зиму. Он взял чашу, в темной глади которой отражалось его изможденное лицо, и пробормотал: – Не успел отпраздновать, так хоть пожелаю брату бессонных ночей и беспокойного трона... – сказав это, он выпил содержимое чаши до самого дна. Яд обжег горло, но это было самое острое и приятное чувство, которое он испытывал за многие годы.

Что толку быть принцем, если у тебя нет ни власти, ни сил? В конце концов, он так и не смог перешагнуть через эту проклятую красную стену.

Ин Фушэн потратил долгие годы, чтобы осознать эту горькую истину. Использование наложницей Нин, бесконечные дворцовые тайны – вся его нелепая, изломанная жизнь закончилась предательством всех, кто был ему близок.

Краем глаза Ин Фушэн посмотрел сквозь пелену метели куда-то ввысь.

Зрение начало стремительно меркнуть. Он не мог закрыть глаза, и в его взгляде, устремленном к заснеженным вершинам дворцовых крыш, застыло невыносимое, глубокое сожаление.

Не прошло и нескольких мгновений, как его дыхание окончательно прервалось.

Если бы только была следующая жизнь...

...

Плюх!

Ощущение удушья нахлынуло внезапно и беспощадно. Ледяная вода хлынула в нос, и Ин Фушэн почувствовал, как стремительно погружается в темную, ледяную пучину.

– Беда! Его Высочество упал в воду! – раздался чей-то крик.

– Скорее, на помощь!

Буль-буль. В ушах словно оказалась толща воды, заглушая все звуки. Он почувствовал, как его тело куда-то тащат, а рядом слышалось чье-то тяжелое, сбивчивое дыхание.

Ин Фушэн начал различать окружающий шум; глухой гул воды в ушах постепенно затихал, уступая место другим звукам. Первым, что он ощутил, был невыносимый, обжигающий жар, охвативший всё его тело. Горло словно наполнилось раскаленным свинцом, и каждый вдох давался с невероятным трудом. Он отчаянно, из последних сил пытался вырваться из ледяных оков смерти, и когда первый жадный глоток воздуха наконец ворвался в легкие, он резко очнулся, содрогаясь от шока.

«Падение в воду? О чем они говорят?» – пронеслось в его затуманенном сознании.

До него долетали обрывки чьих-то встревоженных фраз, и, преодолевая тяжесть век, он медленно открыл глаза. Перед ним предстали светлые, залитые мягким светом покои: роскошные шелковые пологи кровати, мерцание жемчужных украшений и изящно покачивающиеся декоративные кисточки.

Слишком яркий, ослепляющий свет заставил его снова зажмуриться. За долгие годы изнурительного заточения в глубине дворца он привык к вечной сырости, пронизывающему холоду и полумраку. Но сейчас его окружало густое, почти осязаемое тепло, от которого он буквально задыхался. Сознание путалось, мысли сменяли друг друга хаотично, а голова раскалывалась от пульсирующей боли.

«Разве я не умер?» – этот вопрос эхом отозвался в его душе.

По мере того как окружающие звуки становились отчетливее, Ин Фушэн побледнел еще сильнее, если это вообще было возможно. Он не успел осознать происходящее, как совсем рядом раздался взволнованный, почти срывающийся крик:

- Ваше Высочество!

Как только эти слова прозвучали, все присутствующие в комнате мгновенно замерли. Они смотрели на человека, лежащего на кровати, с таким выражением лиц, словно перед ними внезапно возник призрак.

Когда чувства окончательно вернулись к нему, Ин Фушэн ощутил вокруг нарастающую суматоху.

- Скорее доложите госпоже, Ваше Высочество очнулся! – воскликнул кто-то.

Вместе с этим криком на него хлынул поток далеких, болезненных воспоминаний. Ин Фушэн непроизвольно напрягся; в горле всё еще стояла едкая, металлическая горечь предсмертного яда, а перед глазами, словно выжженное клеймо, отражалось холодное, безразличное лицо нового императора. Шумные голоса вокруг смешивались с отголосками чужой, ядовитой злобы... Но постепенно этот кошмар начал отступать, уступая место реальности роскошной спальни.

Маленький евнух стоял перед ним на коленях, его глаза блестели от сдерживаемых слез. Он был вне себя от радости, увидев, что Ин Фушэн наконец открыл глаза.

Ин Фушэн, пребывая в глубоком смятении, едва слышно прошептал:

- Сунъань?

Евнух Сунъань – тот самый, что служил ему с самого раннего детства. В памяти Ин Фушэна всё еще стоял образ отсеченной головы, которая так и не закрыла глаза после смерти в снегу, и этот жуткий образ теперь накладывался на нынешнее, еще совсем юное лицо слуги.

«Разве он не умер вместе со мной? Кто этот человек, стоящий передо мной?» – лихорадочно думал он. «Неужели я в конце концов окончательно сошел с ума? Быть может, остатки яда окончательно отравили мой разум, и перед самой смертью я вижу такие пугающе реалистичные галлюцинации?»

- Я велел тебе уйти из дворца... зачем ты вернулся? - бессвязно пробормотал он.

- Ваше Высочество, что вы такое говорите? - маленький евнух Сунъань сначала опешил, но, услышав этот странный бред, не выдержал и расплакался. - Вы случайно упали в воду и пролежали без сознания почти полдня! Лекари говорили, что вы можете не выжить, мы все так боялись за вас!

Ин Фушэн не мог разглядеть, что происходит за окном, но в комнате было невыносимо, удушающе жарко. «Кто распорядился разжечь столько угля?» - подумал он с привычной горечью. Разве в этом дворце не знают, что уголь нужно экономить, что каждая кроха тепла на счету?

Он смотрел на происходящее вокруг, словно на зыбкий мираж, и видел перед собой худощавого, еще совсем юного Сунъаня.

Двойные образы - старый и новый - накладывались друг на друга, а рука, сжимавшая его ладонь, становилась всё крепче. Сон? Галлюцинация? Или что-то иное, чего он не мог постичь?

Всё это казалось слишком реальным. Он разомкнул бледные, пересохшие губы и спросил:

- Упал в воду? Когда я упал в воду? Скажите... новый император уже взошел на престол?

Услышав этот вопрос, все присутствующие буквально остолбенели. Слуги поспешно шагнули вперед, обмениваясь недоуменными взглядами. Государство Да Юань в эти годы находилось на самом пике своего могущества, а правящий император был в самом расцвете сил. Неужели Его Высочество от сильного жара окончательно лишился рассудка, раз несет такую несусветную чепуху!

Наконец, увидев их лица, полные искреннего ужаса и недоумения, Ин Фушэн немного пришел в себя и спросил:

- Какой сейчас год?

- Шестнадцатый год Тайюань, - ответили слуги, видя, что шестой принц пребывает в глубоком смятении.

«Шестнадцатый год Тайюань...?» - Ин Фушэн замер. - «Пятнадцать лет назад?!»

Ин Фушэн вздрогнул всем телом. Он растерянно огляделся, а затем медленно перевел взгляд на свои руки. Они были тонкими, почти прозрачными. На коже виднелись темные синяки от постоянных уколов игл, а под бледной, почти пергаментной кожей отчетливо проступали голубые вены. Но самое главное, что повергло его в шок - эти руки были руками ребенка. Он потрясенно смотрел на свои маленькие ладони, сознание путалось, а фигуры людей вокруг него начали обретать четкость.

Знакомое убранство покоев совершенно не напоминало тот мрачный, ледяной застенок, где он был заперт долгие годы. Жаровни щедро дарили тепло, и ни один порыв холодного ветра не проникал внутрь. Далекие, почти стертые воспоминания нахлынули на него вместе с этой сценой: это был дворец Бесконечной Радости, место, где он провел свое раннее детство.

«Дворец Бесконечной Радости? Я действительно сошел с ума или это всего лишь предсмертная галлюцинация?»

- Наложница Нин прибыла! – раздался громкий голос из внешних покоев, резко возвращая Ин Фушэна к реальности.

Он почти невольно, словно ведомый каким-то темным предчувствием, посмотрел в сторону входа. Тяжелый шелковый полог был приподнят, и внутрь вошла ослепительно красивая женщина в роскошном дворцовом наряде.

- Наложница Нин! Ваше Высочество очнулся! – засуетились слуги.

Взгляд Ин Фушэна, игнорируя общую суматоху, был прикован к женщине, которая медленно шла вслед за слугами.

В полузабытьи – или, может быть, всего несколько мгновений назад – он видел, как эта же женщина подошла к нему. Тогда её роскошное платье с презрением волочилось по толстому слою снега перед дверью холодного дворца, а слуги, почтительно следовавшие за ней, в своих подобострастных голосах использовали титул «вдовствующая императрица».

И вот теперь, в дымке новых воспоминаний, к нему приближалась молодая наложница Нин. В глазах этой фаворитки императора не было ни капли истинной заботы – лишь бездонное, ледяное равнодушие. Два образа – старый и новый – наложились друг на друга. На этом лице еще не было следов старческой дряхлости; оно было таким же молодым и безупречно красивым, как в его памяти: роскошные серьги, великолепный наряд, даже едва уловимый аромат дорогой пудры – всё это были щедрые дары императора.

Зрачки Ин Фушэна сузились. Перед ним стояла наложница Нин, его так называемая «родная» мать.

Горечь предсмертного яда в его сознании странным образом переплелась с наслоением обрывочных воспоминаний. Возможно, обстановка дворца Бесконечной Радости была слишком пугающе реалистичной, и, вновь увидев наложницу Нин молодой и прекрасной, он невольно вспомнил свои истинные юные годы – время, когда им безжалостно помыкали, превратив его жизнь в бесконечную череду подчинения.

Он родился недоношенным, и его появление на свет едва не стоило матери жизни; она выжила, но эта трагедия, казалось, забрала у неё половину жизненных сил. С самого первого вздоха Ин Фушэн не знал материнской любви. Он никогда не жаловался и не требовал внимания, с раннего детства осознавая, что был нежеланным ребенком, чье рождение стало для матери тяжелым бременем. Он старался быть безупречно почтительным и послушным; даже когда его открыто игнорировали, пренебрегали его нуждами или оставляли в полном одиночестве, он никогда не смел идти против её воли.

Именно поэтому, когда спустя годы мать попросила его об одном маленьком «одолжении», он согласился, не раздумывая ни секунды. Он и представить не мог, что эта минутная слабость и слепая преданность станут началом его стремительного падения в бездну. То «одолжение» касалось военных счетов – документов, к которым простым смертным, и тем более детям, прикасаться было категорически запрещено. Стоило ему вмешаться, как вся тщательно выстроенная конструкция рухнула, вызвав праведный и сокрушительный гнев отца-императора. Итог был незамедлительным: Ин Фушэн был объявлен виновным и заточен в самой глубине дворца, в месте, где время замирает в холоде и сырости.

Даже тогда, перед тем как тяжелые двери темницы захлопнулись за его спиной, он искренне беспокоился – не повредит ли его ошибка матери? Но реальность оказалась куда более жестокой. Его мать не только не пострадала, но и, используя этот инцидент, вместе с кланом Нин окончательно укрепила свои позиции, став главной опорой наследного принца.

Он был всего лишь брошенной пешкой, которую намеренно выставили вперед, чтобы она стала кровавой ступенькой для возвышения клана Нин.

Лишь спустя два долгих года изнурительного заточения он узнал страшную правду от старой служанки. Женщина была отравлена, но чудом выжила достаточно долго, чтобы открыть ему глаза. Она рассказала, что он вовсе не является родным сыном наложницы Нин – его подменили в самый день рождения. Его настоящей матерью была императрица Сюй. В те времена клан Нин был слаб и не имел влияния, а у наследного принца не было собственного преемника. В то же время императрица пользовалась безграничным доверием и искренней любовью императора. Наложница Нин, движимая жаждой власти, подкупила доверенную служанку императрицы, приняла опасное стимулирующее роды средство и в тот самый день совершила подмену младенцев.

В конечном итоге всё сложилось так, как она планировала: новый император взошел на престол, клан Нин возвысился до небывалых высот и стал провозглашенным героем новой династии.

А он, истинный наследник, был казнен чашей яда. И вот теперь, открыв глаза, он снова оказался здесь, в начале этого кошмара.

- Наложница Нин! – слуги синхронно склонились в глубоком поклоне.

Голос слуги резко вырвал Ин Фушэна из пучины мрачных раздумий. Он обнаружил, что его рука, спрятанная под тяжелым одеялом, мелко дрожит. Ненависть, словно ввевшаяся в самые кости, ледяной волной нахлынула в сердце. Он с силой сжал пальцы, внимательно осматривая всё вокруг. Двойные образы окончательно исчезли, и теперь люди и предметы стояли перед ним четко, без всякой дымки.

Шестой принц упал в воду и пролежал в сильном жару целый день. Во дворце Бесконечной Радости всё это время царило гнетущее напряжение; лекари то и дело входили и выходили из покоев с тревожными лицами. Как только он очнулся, наложница Нин поспешила сюда вместе с главным лекарем. Лекарь, нащупав пульс Ин Фушэна, сначала заметно встревожился, но затем его лицо просияло. Тщательно осмотрев мальчика, он с облегчением произнес:

- Хорошо, что Ваше Высочество очнулся, о, как хорошо, что очнулся!

- Госпожа, Ваше Высочество пошел на поправку! - радостно отозвались окружающие.

Наложница Нин выглядела изможденной, её глаза были слегка покрасневшими, словно от бессонных ночей. Услышав слова лекаря, она мгновенно преобразилась, приблизилась к Ин Фушэну и, слегка обняв его за плечи, взволнованно произнесла:

- Сын мой, тебе стало лучше? Ты, ребенок, такой непоседа... как же тебя угораздило попасть в такое место?

Она сделала паузу и добавила с притворной нежностью:

- Хорошо, что лекарь оказался таким искусным и спас тебя. Если бы с тобой что-то случилось, как бы мать жила дальше!

В нос ударил резкий, приторный запах пудры. Шум воды в ушах Ин Фушэна окончательно стих. Он посмотрел вниз, на руку наложницы Нин, которая сжимала его плечо слишком сильно. От грубого трения ткани он почувствовал резкую боль, которая окончательно вернула его к реальности. Она совершенно не задумывалась о том, как её хватка влияет на ребенка, сгорающего от высокой температуры. Эти несколько слов, казалось бы, мягких и утешающих, на самом деле были завуалированным обвинением: она давала понять, что он сам накликал на себя беду, будучи своевольным и непослушным.

Наложница Нин закончила говорить и, заметив, что мальчик в её объятиях хранит гробовое молчание, спросила:

- Ты, ребенок, почему молчишь?

- Госпожа, Ваше Высочество только что очнулся, нужно быть осторожнее, - деликатно заметил лекарь. - Но то, что он пришел в себя - это уже великое счастье!

Наложница Нин тут же спохватилась и начала засыпать лекаря вопросами о том, на что нужно обратить внимание в уходе, ведя себя как самая суетливая и заботливая мать на свете. Окружающие лекари и слуги, видя эту сцену, принялись наперебой утешать наложницу Нин, повторяя, что принца хранят сами небеса.

Ин Фушэн слушал этот фальшивый, отвратительный спектакль и видел, как смягчаются взгляды лекарей, обманутых этой игрой. Он наконец вспомнил, когда именно это происходит. Это было в его детстве, когда он упал в ледяную воду зимней ночью и едва не погиб. Лекарь тогда всю ночь боролся за его жизнь, буквально вытаскивая его с того света. После того падения он долго болел, что окончательно подорвало его и без того слабое здоровье. А наложница Нин, чтобы замять дело и скрыть свою халатность, всем твердила, что принц был слишком своевольным и непоседливым. Так она продолжала играть роль доброй матери, заслужив в глазах двора репутацию исключительно добродетельной женщины.

- Ваше Высочество, вы чувствуете какой-то дискомфорт? - спросил лекарь спустя некоторое время.

Врач наконец почувствовал, что что-то не так. После нескольких фраз шестой принц не проявил абсолютно никакой реакции, он даже не пошевелился.

Все знали, что наложница Нин и шестой принц очень близки; вчера она провела у его постели всю ночь, не отходя ни на шаг. Но сейчас казалось, что шестой принц вовсе не узнает её. Раньше, когда маленький евнух что-то говорил, принц всегда отвечал, а теперь - ни слова. Раньше, стоило наложнице Нин заговорить, как Ин Фушэн сразу откликался, но сегодня, по неизвестной причине, он хранил ледяное молчание. Лекарь с недоумением посмотрел на них. Наложница Нин слегка заскрежетала зубами и тихо позвала его, еще сильнее сжимая руку Ин Фушэна, пытаясь добиться хоть какой-то реакции.

Ребенок, сидевший на кровати, не двигался, безвольно прислонившись к наложнице Нин. Из-за высокой температуры его губы были пугающе красными, а из-под растрепанных волос на женщину смотрели черные, глубокие глаза. От этого взгляда веяло таким могильным холодом, словно перед ней сидел призрак, пришедший за старым долгом. Слуги, вспомнив странный бред принца сразу после пробуждения, невольно содрогнулись.

Наконец, когда лекарь уже собирался подойти ближе, чтобы проверить его состояние, шестой принц произнес одно слово:

- Пить.

- Принесите лекарство, - распорядился лекарь.

Евнух Сунъань тут же вскочил с места, чтобы принести теплый отвар.

Когда чаша была принесена, наложница Нин сама взяла её и осторожно поднесла к губам Ин Фушэна:

- Давай, сын мой, осторожно, оно еще горячее.

Не успела она договорить, как шестой принц, чье тело непроизвольно дрожало, резко подался вперед и задел руку наложницы Нин. Она совершенно не ожидала такого движения, и теплый, обжигающий отвар пролился прямо на неё. Её роскошное, дорогое платье было безнадежно испачкано. На мгновение она полностью потеряла контроль над своим лицом; от резкого ожога она подскочила и едва не закричала от неожиданности и боли.

Лица окружающих мгновенно изменились, слуги поспешили на помощь. Ин Фушэн посмотрел на наложницу Нин и спустя мгновение, словно только сейчас осознав произошедшее, с наигранной обеспокоенностью спросил:

- Матушка?

Наложница Нин встретилась с ним взглядом и с колоссальным трудом сдержала вспыхнувшие эмоции:

- Ничего... ты сам не обжегся?

Слуги бросились убирать беспорядок. Рука наложницы Нин покраснела от ожога; она стиснула зубы и выдавила из себя подобие улыбки, так как в данной ситуации не имела возможности просто встать и уйти переодеться.

- Лекарь, что с ним? - спросила наложница Нин.

После того как в покоях улеглась суматоха, лекарь, убедившись, что шестой принц окончательно пришел в себя, задал ему несколько уточняющих вопросов. Получив ответы, он отошел в сторону и вполголоса сообщил наложнице Нин:

- Его Высочество упал в воду и сильно простудился. Слава небесам, он очнулся, но в ближайшие дни за ним нужно будет присматривать с удвоенным вниманием, любой срыв может быть опасен.

- Сейчас канун великого дворцового банкета, и болезнь сына временно отступила. Если об этом узнает вдовствующая императрица, она будет слишком сильно волноваться, - наложница Нин выглядела изможденной, и она то и дело бросала на лежащего на кровати шестого принца тревожные, почти подозрительные взгляды. - В эти дни я полностью полагаюсь на вас.

- Я всё понимаю, - лекарь с благодарностью поклонился.

Он прекрасно осознавал: если принц снова тяжело заболит после падения в воду, виноватыми в любом случае окажутся лекари, и расплата за такую оплошность может быть суровой.

Наконец, проводив лекаря до дверей, наложница Нин обрела внешнее спокойствие. Однако, когда она снова посмотрела на Ин Фушэна, лежащего на кровати, она уже не пыталась скрывать своего отвращения. С её лица мгновенно стерлись все следы притворной заботы, не осталось ни капли тепла или сочувствия. Она смотрела на него так, словно перед ней был не сын, а обычный, докучливый больной, и её визит был не более чем утомительной повинностью, которую она была обязана исполнить.

Видя, что Ин Фушэн не реагирует на её присутствие и молчит, она с горечью подумала: «Почему этот никчемный сорняк до сих пор не сгорел дотла?»

В этот момент служанка принесла свежий отвар:

- Ваше Высочество, госпожа лично варила это лекарство и следила за ним больше часа, чтобы оно было максимально целебным.

Терпение наложницы Нин было на исходе. Помня, что в комнате всё еще находятся слуги, она с трудом заставила себя изобразить беспокойство и нарочито смягчила голос:

- Скоро день рождения вдовствующей императрицы, во дворце сейчас невероятно много дел, и я лично отвечаю за организацию банкета. Твой отец-император всё еще не вернулся с фронта, поэтому прошу тебя, не будь упрямым и пей лекарство.

Она продолжала говорить, пока у неё не пересохло в горле, а грязное, испачканное отваром платье доставляло ей крайний дискомфорт, вызывая приступы раздражения.

Наконец, когда она была уже готова вспыхнуть от гнева, Ин Фушэн начал медленно пить лекарство.

Как только он осушил чашу, брови наложницы Нин наконец разгладились. Увидев, что он выпил почти половину порции и уже начинает погружаться в сон, она поставила чашу в сторону. Строго наказав служанкам неусыпно следить за ним и добавив, что принцу сейчас

жизненно необходим абсолютный покой, она поспешно вышла из покоев.

Как только наложница Нин скрылась за дверью, слуги, глядя на неподвижно лежащего шестого принца, почувствовали странный, иррациональный страх. Особенно их пугал его взгляд, который медленно и холодно скользил по ним.

Вспомнив наказ старшей служанки о том, что принцу нужен покой, несколько человек поспешили покинуть комнату, следуя за госпожой.

И как только они все ушли, Ин Фушэн внезапно, с надрывом схватился за горло, и его забило сильным приступом рвоты.

Весь отвар вышел наружу. Сунъань, охваченный ужасом, хотел было броситься звать лекаря:

- Сюда! Скорее, помогите!

Но Ин Фушэн резким жестом руки остановил его. Он продолжал извергать содержимое желудка, пока не убедился, что вырвал всё до последней капли. Его тело всё еще была крупная дрожь от тошноты, а тяжелое, сбивчивое дыхание не давало быстро успокоиться. Спустя долгое время, когда кошмары прошлого начали медленно рассеиваться, он опустил взгляд на темные пятна от лекарства, расплывшиеся по полу...

Это лекарство нельзя было пить. Ни в коем случае.

В детстве он был болезненным и слабым. Все вокруг говорили, что из-за преждевременных родов его здоровье было подорвано с самого начала, и даже если он вырастет, то будет всю жизнь страдать от бесконечных недугов.

Тогда наложница Нин казалась ему воплощением заботы. Она была невероятно внимательна, постоянно заказывала самые дорогие укрепляющие отвары, стремясь поправить его здоровье. Именно поэтому Ин Фушэн в те годы искренне верил, что наложница Нин любит его, просто не умеет правильно выражать свои чувства... Но позже, когда он был заперт в глубине холодного дворца и остался в полном одиночестве, добрая пожилая служанка, осмотрев его, открыла ему страшную правду: его годами медленно травили секретным дворцовым ядом.

Это был редкий, коварный яд, сохранившийся еще со времен предыдущей династии. Служанка

объяснила ему, что даже самые искусные лекари при диагностике увидят лишь общее истощение организма, и если не знать специфических свойств этого вещества, обнаружить его практически невозможно. Но со временем яд неумолимо разрушал внутренние органы и отравлял разум. В конце концов человек либо окончательно сходил с ума, либо тихо умирал от неизлечимой болезни.

Ин Фушэн смотрел на черные пятна на полу. Лекарство, которое с виду казалось спасительным эликсиром, на самом деле было цепью, которая медленно толкала его в пропасть. Он отвел взгляд, осматривая роскошные, теплые покои, которые в следующее мгновение в его воображении словно превратились в тот мрачный, ледяной застенок, а свистящий ветер из воспоминаний был готов разорвать его мозг на части.

- У вас всё еще держится жар, - заметил Сунъань. - Я сейчас схожу к сестре Бичжу, пусть она велит сварить еще одну порцию лекарства.

Бичжу была личной служанкой наложницы Нин, и Сунъань уже собирался уйти.

Но не успел он сделать и пары шагов, как принц внезапно ухватил его за подол одежды. Сунъань поспешно остановился, боясь потревожить больного, и обернулся. Он увидел, что принц смотрит на него своими черными глазами. В них была странная чистота, но в то же время они казались бездонными и пугающими, что заставило Сунъаня внутренне содрогнуться.

- Сунъань, подойди ближе, - тихо сказал Ин Фушэн.

Сунъань опешил, но послушно подошел. Как только он приблизил лицо, теплая рука принца легла ему на шею.

Внезапный жар человеческого тела напугал его. Принц словно что-то ощупывал на его шее, долго и сосредоточенно молча.

- Ваше Высочество? - с тревогой спросил евнух.

Ин Фушэн ощутил под своими пальцами живое, пульсирующее тепло. Голова, которая в его воспоминаниях осталась лежать в снегу с открытыми глазами, снова обрела жизнь, которой раньше не было. Эта пульсация крови в жилах вернула его к реальности. Он скрыл свое замешательство и спустя некоторое время произнес:

- Ничего. Иди.

Сунъань был крайне встревожен, но, видя, что принц хочет отдохнуть, он покорно удалился.

Во внешних покоях по приказу наложницы Нин никого не оставили. Как только Сунъань ушел, в комнате воцарилась необычайная, почти абсолютная тишина.

Эта тишина была самой привычной вещью для Ин Фушэна. Спустя много лет он жил в этом гнетущем одиночестве, которое медленно сводило с ума.

Ин Фушэн накинул одежду и медленно встал с кровати. Он взял чашу с остатками лекарства, осторожно понюхал её, а затем решительно выплеснул содержимое в жаровню. Так называемый целебный отвар, приготовленный наложницей Нин, мгновенно был поглощен огнем и испарился без следа.

Он подошел к бронзовому зеркалу, стоявшему неподалеку, и увидел в нем свое нынешнее отражение: юное лицо, в котором еще невозможно было угадать будущие трагедии; худое, изможденное лицо, полное болезненности; опущенные глаза и общий слабый вид. Ему было десять лет, но выглядел он максимум на семь-восемь. Хрупкие кости делали его слабым и беззащитным, но на лице больше не было того уродливого шрама от лезвия.

Ин Фушэн всё еще горел от жара, но сердце его остывало с каждой секундой, превращаясь в кусок льда.

Это лицо совсем не было похоже на лицо матери. Если в нем и было какое-то сходство, то лишь в изгибе бровей и разрезе глаз, которые напоминали отца-императора. В нем не было ни капли от широких бровей и больших глаз, характерных для клана Нин...

Он не умер.

Он вернулся в свое детство, в то время, когда всё еще не началось.

<http://bllate.org/book/18055/1731071>